

РОБЕРТ ПЁРСИГ

*ДЗЭН И ИСКУССТВО УХОДА
ЗА МОТОЦИКЛОМ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
П 27

Серия «Эксклюзивная классика»

Robert M. Pirsig
ZEN AND THE ART
OF MOTORCYCLE MAINTENANCE

Перевод с английского *М. В. Немцова*

Компьютерный дизайн *Е. Д. Фerez*

Печатается с разрешения издательства
William Morrow, an imprint of Harper Collins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Пёрсиг, Роберт.

П 27 Дзэн и искусство ухода за мотоциклом : [роман] / Роберт Пёрсиг ; [пер с англ. М. В. Немцова]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-089132-0

«Дзэн и искусство ухода за мотоциклом» (1974 год) — совершенно уникальная книга, современный философский роман-путешествие. Автор делится с нами своими впечатлениями от поездки на мотоцикле вместе со своим маленьким сыном из Миннеаполиса в Сан-Франциско. Поездка длилась всего 17 дней. Во время этой поездки, которую читатель совершит вместе с героем, он окунется в захватывающий мир различных учений, религий, направлений философской мысли, он будет искать ответы на главные вопросы, попадет в удивительную, ни на что не похожую реальность, созданную Пёрсигом.

«Единственный мотоцикл, который стоит чинить, — это вы сами», — утверждает Роберт Пёрсиг.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Robert M. Pirsig, 1974, 1984
© Перевод, послесловие. М. В. Немцов, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024
ISBN 978-5-17-089132-0

Моей семье

*И что хорошо, Федр,
И что не хорошо, —
Просить ли, чтобы нам это объясняли?*

Примечание автора

Особую благодарность я должен выразить Стюарту Коэну, который предоставил мне свой кабинет, чтобы я мог писать, и миссис Эбигейл Кеньон за критическую помощь с первыми главами.

То, что следует ниже, основано на подлинных событиях. Хотя многое пришлось изменить риторики ради, в сущности, к этой истории следует относиться как к факту. Тем не менее книгу никоим образом не следует включать в гигантский корпус фактической информации, касающейся практики ортодоксального дзэн-буддизма. Что же до мотоциклов, тут все тоже не слишком документально.

ЧАСТЬ I

1

Не отрывая ладони от левой рукоятки, на часах вижу, что уже половина девятого утра. Воздух даже при шестидесяти милях в час — теплый и душный. Если уже в полдевятого жарко и сыро, что же будет днем?

Ветер несет едкие запахи придорожных болот. Мы в той части Центральных равнин, где тысячи топей, где хороша утиная охота. Едем на северо-запад от Миннеаполиса к Дакотам. Эта дорога — старая двухполосная бетонка, по которой почти никто не ездит с тех пор, как несколько лет назад параллельно ей проложили новую четырехполосную трассу. Когда проезжаем очередное болото, воздух неожиданно холодеет. Когда же болото остается позади, теплеет снова.

Хорошо, что опять заехал сюда. Это некие далекие свояси — совершенно ничем не знаменитые, потому к себе и манят. На таких старых дорогах исчезают все напруги. Трясемся по избитой бетонке среди рогоза, лужаек, опять рогоза и болотной травы. Тут и там мелькает открытая вода, и, если взглядеться, на краю рогозовых зарослей различаешь диких уток. И черепах... Вон красноплечий трупиап.

Шлепаю Крису по коленке.

— Че? — вопит он.

— Трупиап!

Что-то отвечает, не слышу.

— Че? — ору я, не оборачиваясь.

Хватает меня за затылок шлема и вопит:

— Я их *тучу* видел, па!

— А-а! — ору я в ответ. Потом сам себе киваю. В одиннадцать лет красноплечие трупилалы не особенно впечатляют.

Для этого надо стать постарше. У меня тут примешиваются воспоминания, которых нет у него. Давние холодные утра, когда болотная трава бурела, а метелки рогоза мотались на северо-западном ветру. От жижи, взбаламученной высокими охотничьими сапогами, поднималась едкая вонь: мы готовились к восходу солнца и открытию утинового сезона. Или зимы, когда топи замерзали и мертвели, и можно было часами ходить по льду и снегу среди мертвых камышей и ничего не видеть, кроме серого неба, всякой дохлятины и мороза. Никаких трупилалов тогда не было. Но сейчас, в июле, они вернулись, и все очень даже себе живет, каждый квадратный фут этих топей гудит и щелкает, зудит и трещит, — целое сообщество миллионов живых тварей, у которых вся жизнь проходит в каком-то блаженном континууме.

Если отпуск проводишь на мотоцикле, видишь все совсем иначе. В автомобиле ты всегда в замкнутом купе, а поскольку привык, даже не осознаешь, что окно машины — тот же телевизор. Ты пассивный наблюдатель, и все скучно движется мимо в рамке.

На мотоцикле же такой рамки нет. Ты полностью в контакте со всем вокруг. Ты — в *самом* пейзаже, а не просто созерцаешь его, и собственное присутствие тебя ошеломляет. Бетон, что проносится в пяти дюймах под ногой, реален, по нему ходишь, вот он, мелькает так, что не разглядишь толком, однако можно опустить ногу и шкрябнуть по нему в любой момент. Все это вместе — единое переживание, которое все время непосредственно осознается.

Крис и я едем в Монтану с друзьями. Они — впереди, быть может, направляются еще дальше. Планы расплывчаты намеренно: цель — больше просто путешествовать, чем куда-то приезжать. Все в отпуске. Предпочитаем второстепенные дороги, лучше всего — мощеные проселки, только потом — однополосные шоссе. Скоростные трассы хуже всего. Конечно, хочется доехать хорошо и быстро, но главное сейчас — «хорошо», а не «быстро»: с таким смещением удараения меняется весь подход. Извилистые дороги среди холмов длинны только при счислении на секунды, а на мотоцикле гораздо приятнее: вписываешься в плавный поворот сам, а не болтаешься туда-сюда в каком-нибудь ящике. Приятнее всего дороги с небольшим движением; они еще и безопаснее. Лучше, если нет автостоянок и рекламных щитов, если роши, луга, сады и полянки — чуть ли не у самой обочины, там проезжаешь мимо, и тебе машут дети, там люди с крылец вытягивают шеи рассмотреть, кто проехал, там останавливаешься узнать дорогу или еще чего, а ответ грозит затянуться так, что мало не покажется, и люди интересуются, откуда ты и долго ли уже в пути.

Моя жена, я и наши друзья пристрастились к таким дорогам несколько лет назад. Время от времени сворачивали на них для разнообразия или чтобы сократить путь до другого шоссе, и всякий раз пейзаж оказывался просто грандиозным, и с очередного проселка все съезжали успокоенные и радостные. Много раз так бывало, пока не стало окончательно ясно, хотя было очевидно с самого начала: эти дороги — вовсе не то что главные. И весь ритм жизни здесь другой, и те, кто вдоль них живет. Эти люди никуда не едут. Они не слишком заняты и потому любезны. О «здешности» и «сейчасности» вещей они знают все. Про такое напрочь забыли другие — те,

кто переехал в города много лет назад, да их потерянные отпрыски. Это просто открыло нам глаза.

Я не понимал, отчего так долго не доходило. Видели, однако не замечали. Или скорее были *натасканы* не замечать. Может, нас обдурили, и все стали считать, будто подлинная жизнь происходит в метрополии, а остальное — просто скучное захолустье. Загадка прямо. Истина стучится в дверь, а ты говоришь: «Пошла прочь, я ищу истину». И она уходит. Непонятно.

Конечно, едва дорубило, ничто уже не могло согнать нас с этих дорог: по выходным, по вечерам, в отпусках. Стали подлинными мотоциклетными асами второстепенных дорог и поняли, что в пути, оказывается, можно кое-чему научиться.

Научились, к примеру, отыскивать годную дорогу на карте. Если линия петляет — хорошо. Холмы, значит. Если это единственная дорога из маленького города в большой — плохо. Лучшие дороги всегда соединяют какие-нибудь захолустья, а добраться побыстрее всегда можно другим путем. Если выезжаешь из большого города, скажем, на северо-восток, никогда не следует долго ехать прямо. Сразу отклоняйся к северу, потом к востоку, опять к северу — и скоро окажешься на второстепенной дороге, по которой ездят только местные жители.

Главное тут — не заблудиться. Поскольку дорогу знают только местные, которым и так известны все приметы, никто не жалуется, что никак не обозначены, к примеру, перекрестки. Это сплошь и рядом. А если обозначены — как правило, малюсенькой стрелкой, что ненавязчиво прячется в кустах. И все. Те, кто ставит стрелки на проселочных дорогах, редко повторяют дважды. Пропустил знак — *твоя* проблема, не их. Мало того, начинаешь понимать, что с грунтовками на картах автодорог зачастую все неточно. И *твоя* «грунтовая дорога» время от времени просто заводит сначала в две

колеи, затем — в одну, а потом — на пастбище и там пропадает; или же приезжаешь на задний двор к какому-нибудь фермеру.

Поэтому перемещаемся в основном согласно мысленным прикидкам и дедуктивным выводам из тех ориентиров, которые удастся распознать. У меня в кармане всегда есть компас — на случай облачных дней, когда не определишь направление по солнцу. На бензобаке в рамке закреплена карта, по которой можно подсчитать мили от последней развилки и узнать, чего искать дальше. С такими орудиями и без напрягов от мысли «куда-то непременно попасть» все получается просто отлично, и Америка почти в полном твоём распоряжении.

На День труда и День памяти¹ проезжаем по таким дорогам мило за милей, не встречая ни одной машины, потом пересекаем федеральную трассу и смотрим на автомобили — они бампер к бамперу выстроились до горизонта. Внутри — угрюмые физиономии. На задних сиденьях плачут дети. Все-таки хочется им что-то объяснить, но они хмурятся и вроде куда-то спешат, поэтому никак...

Я видел эти болота тысячу раз и всегда — по-новому. Неверно называть их «блаженными». С таким же успехом можно звать их жесткими и бесчувственными — они таковы тоже, но их *подлинность* опрокидывает любые скоропалительные концепции. Вот! Огромную стаю красноплечих трупялов вспугнули наши моторы, птицы поднимаются из зарослей рогоза. Я еще раз хлопаю Криса по коленке... и вспоминаю, что он их уже видел.

— Че? — снова вопит он.

— Ничего.

— Чего?

¹ Отмечаются в первый понедельник сентября и последний понедельник мая соответственно. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Проверяю: ты не потерялся? — ору я, и разговор прекращается.

Если не особенно любишь ораторские, содержательные беседы на мчащемся мотоцикле не получится. Вместо разговоров все время замечаешь окружающее и медитируешь на него. Виды и звуки, настроение погоды и то, что вспомнится, машина и местность вокруг — вот размышления на долгом досуге, без спешки, без малейшей мысли, что впустую тратишь время.

Поэтому давай так: раз время есть, поговорим о том, что взбредет на ум. Мы ведь почти всегда так спешим, что случая поговорить просто не выпадает. Сплошь бесконечная суета, изо дня в день, и много лет спустя только диву даешься: куда же ушло все это время, как жаль, что оно ушло. А теперь времени навалом, никуда не денется — вот я бы и хотел подробнее поговорить о важном.

Взбредает же мне на ум нечто вроде шатокуа¹ — только так я его и могу, пожалуй, назвать: вроде бродячих палаточных шатокуа, которые раньше ездили по всей Америке — по *этой* Америке, в которой мы сейчас. Такие старомодные популярные беседы — они обучают и развлекают, развивают ум и несут культуру, просвещают уши и мозг слушателей. Более торопливые радио, кино и телевидение вытеснили шатокуа, но мне кажется, что эта перемена — не вполне к лучшему. Возможно, с нею поток национального сознания ускорился и расширился, но, по-моему, он все-таки измельчал. Старые русла уже не могут удержать его, а в поиске новых он несет своим берегам лишь больше хаоса и разрушений. В этом шатокуа мне бы не хотелось прокладывать новые русла

¹ Традиционный летний сбор учителей и ораторов с публичными лекциями, концертами и театральными постановками (по названию озера Шатокуа в штате Нью-Йорк, где такой сбор впервые провели в 1874 г.).

сознания — просто глубже раскопать старые, забытые грязным илом застоявшихся мыслей и слишком часто повторяемых банальностей. «Что нового?» — интересный вопрос, он расширяет сознание, но если гоняться только за ним, он приведет лишь к нескончаемому параду пустяков и модных примочек, к илу завтрашнего дня. А мне бы хотелось интересоваться другим: «Что лучшего?» — этот вопрос не полосует, а вспарывает, и ответы на него смывают ил по течению. В человеческой истории есть эпохи, когда русла мысли прорезались слишком глубоко, и ничего поделаться с ними было нельзя, не происходило ничего нового, а «лучшее» диктовалось догмой. Но сейчас все иначе. Поток нашего общего сознания теперь вроде как стирает свои берега, теряет основное направление, топит низины, разъединяет возвышенности — и все это без особой нужды, лишь бы зряшно дать выход собственному внутреннему импульсу. Похоже, надо углублять русло.

Впереди наши спутники — Джон Сазерленд и его жена Сильвия — съехали на стоянку для пикников. Пора бы размяться. Я подкатываю к ним, Сильвия снимает шлем и встряхивает волосами, а Джон ставит свой «BMW» на подножку. Все молчат. Вместе проехали уже столько, что с первого взгляда понимаем, каково остальным. Вот и сейчас — спокойны и просто осматриваемся.

На скамейках в такой час еще никого нет. Вся стоянка наша. Джон шагает по траве к чугунной колонке и качает питьевую воду. Крис убредает меж деревьев к ручейку за травянистым бугорком. А я гляжу по сторонам.

Немного погодя Сильвия садится на деревянную скамью и разминает ноги — поочередно задирает их, пригнув голову. От долгих пауз она унывает, и я ей что-то говорю. Поднимает взгляд на меня, потом опять смотрит в землю.

— Люди в машинах на трассе, — говорит она. — Первый был такой грустный. За ним еще один точно такой же, потом еще один, и еще — все одинаковы.

— Они просто ехали на работу.

Сильвия все отлично понимает, но ее замечание резонно.

— Знаешь, *работа*? — повторяю я. — Понедельник, утро. Полусонные. Кто в понедельник утром ездит на работу и скалится во весь рот?

— Но они же все такие *потерянные*, — говорит она. — Будто умерли. Как похоронная процессия. — Она опускает ноги на землю и больше не разминается.

Понимаю, о чем она, однако это логический тупик. Работаете, чтобы жить, — этим они и занимаются.

— Я болота разглядывал, — говорю я.

Не сразу она поднимает голову и спрашивает:

— Что видел?

— Целую стаю красноплечих трупялов. Когда мы проезжали, они вдруг разом взлетели.

— А-а.

— Хорошо было снова их увидеть. Они связывают все друг с другом — мысли и прочее. Понимаешь?

Задумывается, а потом улыбается, и за нею — темно-зеленые деревья. Сильвия знает тот особый язык, который не имеет ничего общего с произносимым. Дочка.

— Да, — говорит она. — Красивые.

— Последи за ними.

— Ладно.

Появляется Джон и проверяет багаж на мотоцикле. Подтягивает, потом открывает подседельную сумку и давай в ней копать. Выкладывает что-то на землю.

— Если понадобится веревка, не стесняйся, — говорит он. — Господи, да у меня ее раз в *пять* больше, чем нужно.

— Пока не надо, — отвечаю я.

— Спички? — продолжает он. — Лосьон от загара, расчески, шнурки... *шнурки*? Зачем нам шнурки?

— Давай не будем, — говорит Сильвия. Они вперяются друг в друга каменными взглядами, потом оба поворачиваются ко мне.

— Шнурки могут порваться в любой момент, — серьезно говорю я. Они улыбаются — но не друг другу.

Вскоре возвращается Крис, можно ехать дальше. Пока он готовится и взбирается на мотоцикл, друзья выезжают, и Сильвия машет рукой. Снова на шоссе, и я смотрю, как они удаляются.

Много месяцев назад эта парочка вдохновила меня на шатокуа, что сейчас взбрел мне на ум; вероятно — хотя точно я не знаю, — он как-то соотносится с некой подводной дисгармонией между ними.

Надо полагать, дисгармония в любом браке — штука обычная, но в их случае это просто трагедия. Мне так, во всяком случае, кажется.

Здесь не столкновение личностей; между ними нечто иное, и никто в этом не виноват, но и решения ни у кого нет. У меня, видимо, его тоже нет — так, мысли разные.

Мысли начались с незначительной вроде бы разницы в наших с Джоном мнениях по совершенно пустячному поводу: как ухаживать за мотоциклом. Для меня естественно и нормально пользоваться инструментами, читать инструкции, которые прилагаются к каждой машине, налаживать и регулировать ее самому. Джон возражает. По нему выходит, что об этом должен заботиться компетентный механик, и тогда все будет правильно. Обе точки зрения совершенно нормальны, и это никогда бы нас так не развело, если б мы столько не путешествовали вместе и не сидели бы в придорожных кабаках за пивом, болтая о том, что взбредает на ум. А на ум